Как заржавела сталь

О романе Александра Леонидова «Апологет»

(Начало – стр. 1)

Мальчишку спас отец-доктор, сам погибший в этот день: он вытолкал Левона в маленькое окно, велел бежать и звать на помощь, если увидит белых:

«Импозантный поручик Бунин, однофамилец, а может и родня известного писателя, подхватил Левончика с земли, усадил на луку седла горячего, игривого донского коня:

– Откуда ты, малыш? Где красные? Кого убивают?

– Скорее! Туда! Там красные убивают раненых! – словно попугай, повторял Левон до рубцов в мозгах заученные, окровавленные слова. И плакал, и чувствовал себя предателем. Ведь ему было всего пять лет, и он не мог показать дорогу. Его вёл сюда ангел-хранитель – а как выбраться обратно – он не знал…

– В госпитале, наверно, господа! – выкрикнул один из конников, взмыленная лошадь которого раз за разом порывалась встать на дыбы. – Я здешний, у меня поместье отсюда в трёх верстах! Поскачем, покажу!

– Эскадр-о-о-н! – заорал импозантный поручик, выхватывая тяжёлую шашку из ножен. – За мной, лавой уступом вправо, ма-а-а-рш!!!

Левон летел на вороном коне, летел быстрее ветра, и маленькие уши его закладывало, а из-под копыт белого эскадрона, шедшего мостовой и убитыми газонами, летели шматки грязи, искрили о булыжник подковы, и ничего прекраснее, чем этот полёт, не знал, не ведал маленький Левон!

Они влетели на госпитальный двор – влетели в мыле и справедливом негодовании, когда с обеих сторон тщательно припрятанные пулемёты батьки Матвея ударили в бока эскадрона шпорами кинжального огня…

Это была ловушка. Матвей нарочно выпустил мальчишку из госпиталя, специально дал ему уйти. Он, Матвей, бывалый бандит, дезертир царской армии с 1915 года, знал, чем взять «их благородий»… Знал, рассчитал, что поторопятся, не вышлют разведки, передового охранения…».

И вот перед нами Матвей Безымянных – красный командир, в будущем чекистско-партизанский генерал, действия которого в тылу у немцев, возможно, спасли Ленинград от неминуемого разрушения – в следующей великой войне… Пока он, только что убив прикладом отца, держит «за шкварник» уцелевшего сынишку и итожит свою победу над старым строем:

«– Так-то, ваши превосходительства! – гоготал Матвей, расхаживая посреди трупов. – Где уж вам с нами? Куда уж вам до нас? Кто жёстче – тот и сильнее… Вы соплежуи, вы неврастеники, вы барышни кисейные – и с кем воевать задумали? С теми, кто из стали выкован?».

На войне как на войне. Представления о допустимом не соответствуют революционной целесообразности.

Целую жизнь спустя седовласый доктор Левон Глыбян разъясняет, как сумел понять и полюбить безжалостную Революцию. Разъясняет это новой «кисейной барышне» – режиссёру Нахалкову:

«– По-настоящему великим был бы тот фильм, которого у нас, боюсь, снять не позволят. Надо бы взять не лучшего из красных, а худшего… И через его судьбу доказать моральную необходимость коммунизма… Так, чтобы это была подлинная правда жизни, а не самохвальство победившей партии».

Доктор медицины Левон Глыбян прожил долгую жизнь, многое повидал и передумал. Он сумел не то чтобы простить красной власти смерть отца, но принять свершившееся как поступь истории – за сталинские суды над преступниками-революционерами, за возможность при такой власти сироте построить высокую столичную карьеру… Те, кто как режиссёр получили всё готовым, этого уже не могут оценить. Не могут понять, что революция это не только жертвы (и ещё раз жертвы), но это единственная возможность спасти человеческое достоинство на земле. Этого не понял «подонок Хрущёв». Он Сталина не понял. Но дело не в именах:

«– Само по себе устройство жизни описывается не именами, а законами! Вот о чём фильм-шедевр нужен! Не осознав исходной грязи капитализма, вы не поймёте и очищения. И в итоге столкнёте человечество в ад, где оно барахталось тысячами лет, а из-за вас ещё тысячи лет будет барахтаться. Потому что вы не поняли ни революции, ни Сталина!».

Вот, собственно, о выраженной в этих словах дилемме целей и средств и написал Александр Леонидов свой роман-эпопею. Разговор доктора и режиссёра служит экспозицией, и неслучайно, что он вписан автором в год (1974), когда неявные процессы распада советской системы уже начали набирать ход…

Разные историки по-разному трактуют пламя XX века: как так получилось, что ленинско-сталинская элита переродилась в третьем поколении?

Это «тонкий лёд» – гадать, на чьей стороне был «мужик», как выразитель абсолютного большинства, за него ли или против воевала «элита без корней». Равно как и судить о метафизических качествах марксистской идеи – породившей и великие свершения, и великие потрясения, и великие достижения, и чудовищные провалы. Совместима ли она с реальной человеческой жизнью? – не вопрос *литературного* издания. Мы говорим о персонажах – а у каждого персонажа своё мнение на этот счёт.

Но ввиду назревших теперь глобальных «альтернатив», Леонидов пытается спасти мечту о том, что человек – это звучит гордо. Правда, делает это порой несколько странным образом.

Постараемся же вникнуть в этот сложный процесс – в общих чертах, потому что количество героев-спикеров и объём смыслов, порождаемых взаимными соотношениями всего ими провозглашённого, – сильно превышает формат статьи.

В точном соответствии с жанром ранних апологетов, Леонидов берёт худшего представителя идеи – чтобы через него обосновать, методом «от противного», саму идею. Этим апологетика и отличается от пропаганды (разные жанры): пропаганда отбирает или даже выдумывает лучшие образцы реальности, и потом выставляет их, как саму реальность.

Апологет же начинает с изложения взглядов своих оппонентов. Он сначала принимает всё, что они говорят, – чтобы потом переосмыслить. Вы (оппоненты) говорите, что большевики – кровавые бездуховные чудовища? Ну так вот вам, полностью по вашим лекалам, сотканный из ваших пропагандистских штампов суровый буревестник революции Матвей Безымянных…

Мало на его голову крови – так он и согрешил ещё особым образом. Он изнасиловал собственную дочь. Тонкость в том, что не просто так: на пике «большого террора» он ждал ареста с часу на час, многое зная за собой, сильно пил – и вот мрачный итог… Дочь родила сына-внука с признаками физической дегенерации и замечательно одарённого интеллектуально. Выродок Виталий – Алик, носящий фамилию мужа матери – Совенко, – и есть главный герой, и есть последний защитник советского строя в духе его.

Алик Совенко, представленный как «плоть от плоти своего века», вырос в доме Папюса, который достался не «хозяину земли русской», как написал о себе в графе о профессии Николай Второй, а людям, вырвавшим страну у её старых, недостаточно кровожадных хозяев. Вместе с властью дед Матвей взял в жёны дочь своих бывших дворян. Не побрезговал. А у этих баронов в роду древнем был предок Пауль Генрих Гольбах – из просветителей XVIII века, счастливо умерший в год взятия Бастилии. Этот «почётный академик Франции, Германии и Российской академии наук» написал трактаты «Система природы» и «Священная зараза». Труды сохранились и пришло время Виталику усвоить их мудрость. Мудрость эта, навеки вошедшая в катехизис Просвещения, так с тех пор проросла в жизнь под именем детерминизма, что и сегодня живее всех живых. Вот памятка для «добрых строителей прекрасного мира», которую изучил Виталик Совенко:

«– Религия – это искусство одурманивать.

– Элементарнейшее размышление о душе должно убедить нас, что мысль о её бессмертии является просто иллюзией.

– Человек есть двуногое животное.

– Человека следует рассматривать как машину.

– Свобода – не что иное, как заключённая в человеке необходимость.

– Вселенная повсюду являет нам лишь материю и движение.

– Всё необходимо, нет ничего случайного».

То есть, видите ли, история и человечество – это железный поезд на железных рельсах, полный механическими человечками. И те, кто осознали и провозгласили сию великую истину, должны стать машинистами Поезда на его пути к Железной цели. Выбрасывая на рельсы, под колёса Поезда прекраснодушных безумцев, попов и «помазанников божиих», чья корыстная властность укреплялась религиозным мифом о том, что человекде – это дух, и этот дух есть цель движения Поезда, – именно новые машинисты-рационалисты должны приветствовать Встречающего на некоей Конечной Станции – у Железной Цели…

По сути своей приведённые тезисы обосновывают именно такую эсхатологию. Воздвигают на крушении духа новую сциентистскую религию для профанов. К слову сказать, каждый современный писатель, если только хочет добиться осязаемого успеха, должен (именно должен!) исповедовать именно этот «кодекс последних времён».

Но всё было бы слишком просто, если бы не было в доме кудесника Папюса ещё одной книги для чтения подрастающим партийным функционерам от науки. Это книга «Магистериум» – написанная по-французски настольная книга начинающего мага.

«Написанная задолго до 1917 года «чёрная книга» объясняла в революции всё или почти всё. Так, по крайней мере, казалось молодому Совенко. Суть в том, объяснял он себе, что в 1917 году покончили только с несколькими жрецами Зверя. С самим Зверем не покончили – да и не могли! Ведь Зверь в каждом! Предстоял очень долгий, трудный и страшный путь: отделять агнцев от козлищ. Отделять тех, кто пришёл в революцию в поисках Нормы и Закона, от тех, кто пришёл туда в поисках Свободы и Веселья. Тех, кто хотел служить Святыне, – от тех, кто жаждал доминирования, наплевав в душе на Народ и Отечество, подстраиваясь под любую болтовню века сего – только чтобы сесть повыше и жрать послаще…».

Поскольку у Леонидова персонажей много, а сам он прячется за их многоликостью, – они говорят разные вещи. Есть сходства философии у Глыбяна и Алика, но есть и разночтения у них (что вполне естественно, если речь идёт о разных судьбах).

Мир глазами Глыбяна – это многочисленные оправдания революционной необходимости, которыми изобилуют первые страницы романа. Мир же глазами Совенко – иной мир. И, что любопытно с точки зрения возрастной психологии, – мир юного Алика в начале – не совсем мир зрелого академика в конце книги.

Книга не содержит единой концепции – отчего иногда и кажется с сумасшедшинкой. В ней «то так, то сяк» – один увидел одно, и рассказал, а другой о том же рассказывает иначе. Автор записывает разные голоса, но иногда скатывается в авторскую речь, не отчеркнув должным образом, что говорит персонаж, а не автор. Ещё один минус романа! Или плюс – полифония так называемая.

Если прочитать внимательно, то видно, как в революцию входят, втягиваются разные люди. Одни пришли мстить – зверино, зло и страшно. Эта месть для них самоцель, у них просто нет другого смысла жизни. Другие хотят реализовать мечту, прекрасную утопию, и для них страшная месть обиженных судьбой парий – лишь «эксцессы». Третьи же – холодно и цинично, по Гольбаху, используют и тех и других, чтобы добиться своих личных целей, прорваться к власти, отшвырнув оттуда других претендентов. Одно дело – ребёнок, переживший в детстве голодную драму проституции своей сестрёнки, «за калач, за амбаром». Но ведь Матвей Безымянных ничего такого не переживал, он использует слепого в ярости мстителя – потому что его бароны читать учили по Гольбаху…

Иезуитское «цель оправдывает средства» опровергнуто задолго до Ленина. Оказалось, что негодные средства искажают цель. Что ещё раз показала русская революция, которая, достигнув пределов прочности воспитанного традицией большого исторического народа, с конца 1960-х должна была или раствориться в этом русско-советском народе, или… предать его. Наверное, в зависимости от того, «чья» это была революция по своему происхождению. Чьим целям она в конечном итоге служила. И почему иссякла, коль скоро перестала служить этим целям…

Но вернёмся к нашему Алику Совенко. Он, как упоминалось, интеллектуально одарённый, хоть и невзрачный внешне, выбрал правильные вуз и научную специализацию. С таким дедом, с «Магистериумом», с дарованиями, Алик вырос стремительно. Аспирант-отличник, юный гений нейрологии и кибернетики, он смолоду в загранкомандировках. Ну и так далее – главный герой поднимается по социальной лестнице к тем сферам, где находится самое интересное:

«Семидесятые обернулись для Алика выслугой «по итогам»: досрочная, заранее оговорённая «сверху» и потому блестящая, без сучка, без задоринки, защита кандидатской диссертации! Парень выглядит как студент – а уже кандидат медицинских наук! Парню бы в его годы в комсомоле крутиться – а он уже член партии.

…Если человек – референт в Завидово, пусть даже и узкопрофильный, но – «приглашённый», то он не поднимается на руководящие должности, а нисходит на них. Вчерашний выпускник, на зависть министерства рыбной промышленности, так и не дождавшегося его в штат, встретил новый 1972 год заместителем заведующего лабораторией биометрии во Всесоюзном Центре биотехнологий».

Алику есть с чем идти в «сферы», есть чем поделиться с тамошними завсегдатаями… Нет возможности описывать всех красоток Алика, получаемых им как приз,

все перипетии сюжета и внутривластные коридорно-кабинетно-спецслужбистские интриги. Роман посвящён в основном идейным и духовным причинам прекращения великого советского проекта. Но даже и эту основную линию произведения не пересказать. Остановимся на самом главном. А оно начинается с того, что революционная вера создателей СССР иссякает, повторим, уже в их ближайших последователях. Оказывается, что пафос революции по-настоящему был близок лишь немногим, что революция – это война, и с мирной жизнью она несовместима. Количество лицемеров в верхах Партии растёт пропорционально сытости (и предсказуемости) масс: *«Покончив с голодом, система трагически исчерпала себя. Что дальше делать с человеком – система не знала… Это состояние застало нас врасплох. Мы не верили, что тысячелетнее проклятие нищеты отступит так быстро, что стена, отделяющая человека от сытости, рухнет так скоро… Мы сломали стену и очутились в пустоте… А пустоту не проломить головой, как стену…».*

Надо отдать должное Александру Леонидову: более точный диагноз в простых и кратких словах поставить было бы нельзя. Одновременно надо отметить, что диагноз сей был известен ведь ещё Марку Аврелию! Почему же не догадался о том же Маркс? Алик Совенко догадался: *«Нельзя лишить смысла изначальное происхождение человека – и потом надеяться на какой-то его итоговый смысл…».* Нельзя, значит, в итоге надеяться ни на что хорошее, на созидание вообще – в любом социуме, в любую эпоху, при любом строе:

«Если жизнь случайна и бессмысленна, а Космос – лишь механический труп, то верх и низ меняются местами. Дело становится постыдной потехой, за которую стыдно, а постыдная потеха – делом, которым гордятся. Высокий пафос воспринимается, как удел тупых, а низменное ёрничание – как высшее проявление ума.

«Поколение КВН» не пишет «Тихого Дона», и не читает его. Случайную жизнь можно потратить только на удовольствия – а на что ещё, если она случайна и заканчивается ничем? Так заговор хищников, мечтающих утилизировать цивилизацию со всеми её храмами духа, обменять, как вторсырьё, на деньги, – дополняется заговором паразитов, умеющих только глумиться над всем, и уравнявшим чёрный глум с высшей мудростью…».

Лёгкость и непосредственность, с какой мы можем это резюме из позднесоветской эпохи приложить к духовной атмосфере дня сегодняшнего, наводит на мысль – точнее, возвращает нас к мысли о том, что формы, символы, лозунги вторичны. Главное всё-таки заключается в том, по какой мерке считает себя человек, на какой первооснове выстраивает своё отношение к жизни и, собственно, образ действий.

Как назвать ту Единицу, дающую смысл всему ряду, всему историческому потоку «нулей»? Вот как на самом деле звучит основной вопрос философии. Когда нет определённости с наличием в фундаменте бытия этой Единицы, то исчезает и без того небольшая «единичка» маленького человека, которую воздвиг на знамёна свои и пьедесталы капиталистический гуманизм нового времени… Роман «Апологет», полный проклятых вопросов, выводит нас к самому сложному из них – тому, на который нет ответа, а есть только вариации «или – или». Всё приходит к старой неопределённости, известной ещё древним: или есть Бог, в которого придётся уверовать, или – Его нет. Но тогда нельзя и поверить в то, что человек – это реальность, ценность, субстанция.

Мысли Алика – мысли для партийца и вот уже кандидата в члены ЦК странные. Но для того, кто ищет истины на расползающихся в буржуазную слякоть стогнах очередной империи, – они обязательны. Что делать с новыми поколениями, у которых нет внутри духовной потребности – а есть лишь потребность «жрать»? – *«А болезнь уже пронизала оккультными метастазами всё тело могучей страны, и все сонмы ядерных ракет, все гекатомбы сверхновых танков и суперсовременных РЛС были бессильны перед микробом распада…».*

Конечно, Леонидов пишет это задним числом – а задним-то умом мы все крепки. Но штука в том, что должны были быть – и без сомнения были! – и в стране, и в мире многочисленные силы, действительно знающие и просчитывающие всё наперёд. Ответы имела не только выработанная веками социальная философия *(«Алик лучше других знал, что атеистическая говорильня, которой его заставляли заниматься, по принципу как «он самый непьющий из властных мужей, и в ём есть научная сила», однажды даст ядовитые оккультные плоды сатанизма.*

Это ведь ошибка – думать, будто атеизм упраздняет Бога. Он сажает на место Бога Смерть – единственный нерушимый и несомненный абсолют в относительном, условном, сомнительном мире атеизма. Пустота с неизбежностью должна была породить зло. И Бог-Смерть обязательно должен был вскоре прийти к коммунистам за положенными ему жертвами»). Предрешённость дальнейших политических событий, реализация глобального плана по утилизации страны, созданной потом и кровью поколений советских людей, – она начинается на глазах. Или же «в глазах» нового правящего слоя «младокремлёвцев» – полных, по Леонидову, демонического света. Вот в день избрания Горбачёва в члены ЦК КПСС в комнате ожидания на минуту выключается…

«– Что со светом? – взволнованно спросил до смерти напуганный, только что бодро державшийся в древних византийских покоях бывший комбайнёр.

Подковка обступавшего его в «Красной зале», лишь по четвергам отводившейся для политбюро люда – подлинных хозяев этих ромейских альковов, – смотрелась весьма экзотично.

В темноте у всех горели глаза жёлтым ярким огнём. А при смаргивании, «на смарге» – проступала ярко-оранжевая радужка, плёнка «третьих век»…

Кажется, мы имеем дело с пелевинскими вампирами из книг начала 2000-х годов. Но это только кажется. Пелевин – фантаст, Леонидов – реалист. У Пелевина вампиры – потусторонняя сила, сказочная фабула, у Леонидова – это прозрачная аллегория (и не всегда аллегория!) социально-экономической реальности, в которой люди едят людей. В его магии «нет ничего магического» – эту фразу из Папюса Леонидов снизу и сверху отчеркнул любимыми им «звёздочками», словно отдельную главу.

Несмотря на то, что магическая линия романа крепнет и продолжается, несмотря даже на присутствие Алика на оккультно-масонском сборище, – под конец произведения автор действительно подходит к вопросу о Боге. Ну как ещё понимать такую его по-пелевински же хлёсткую формулировку: *«Атеизм – при всём его абсурде – одно из сильнейших некромантских средств. Ведь сколько под ним было решено личных, частных проблем власти и собственности, рентабельности и конкуренции, сбора и перераспределения! Сколько богов обессмыслено – а сокровищницы их храмов растащены приватирами?».*

Да, так и сталось с храмом и домом советского индустриального бога. Но раньше, но за семьдесят пять лет до того разве не так же и те же! – поступили с Русью Досоветской?..

Не вдаваясь в тему мировых магов (и мошенников), перейдём-таки к разговору «о Создателе всего сущего» – как называет это один из «прорабов перестройки» Яковлевич (Яковлев). Внутренне споря со старшим товарищем по Партии, Алик в поиске опорного идеала доходит до философского предела: *«Халдей звезды не заметит – она вещественно недосягаема. Некромант заметит одну из многих тысяч звёзд – и что с того… Ну внеси в каталог астрологии, да и успокойся! Но ступени познания Бытия ведут всё выше и выше, и вот уже «верхний» этаж некромантов оказывается под ногами… И тогда звезда Вифлеемская, одна из множества звёзд, становится единственной!*

…Есть статическое совершенство – которое с тобой в каждой точке, и это идея Бога. Есть динамическое совершенство – которое, путём обожения, человек обретает в конечной точке своего пути: коммунизм. Только эти две идеи – какими бы словами не называли их – создают психическое здоровье человека…

…Если высшего идеала нет – тогда вся Вселенная труп. А если ты считаешь высший идеал недостижимым – тогда ты сам труп…».

Красиво, не правда ли? Надо признать: несмотря на все споры и эпистемологические проблемы, философия к XXI веку достигла многого. Раз уж сегодня она становится литературой…

Хоть до конца текста романа остаётся ещё порядочная даль, полная политических хитросплетений (читать которую всё тяжелее по мере возрастания в ней демонического антуража), философски роман достигает апогея в только что цитированной точке.

Как уже сказано, христианские ритуальные формы Леонидов отвергает вместе с… (далее ужасы старого режима по списку).

Из самого романа это не вполне видно, это вытекает из биографии и множества статей автора – Леонидов «православный клюнист», сторонник очищения исходных идей христианства от феодальных и прочих «отсебятин» многих поколений недобросовестных адептов. Афоризм Леонидова «Социализм без религии – бессмыслица, религия без социализма – лицемерие» в роман не вошёл, а зря. Он бы многое объяснил – из того, что остаётся для читательского восприятия тёмным. В мирах Леонидова (насколько они адекватны – другой вопрос) – всякий социальный институт – добыча для магов и лжецов. А уж церковь – самый лакомый для них институт, хотя они, конечно, лезут со своими фокусами и в партии, и в академии, и во всякие творческие союзы, и вообще – везде, где есть хоть какой-то шкурный смысл играть первые роли. Вывод: то, что в церковь лезут колдуны и циники-атеисты, пытаясь там сделать карьеру, как Горбачёв и Ельцин в КПСС, – не должно никого удивлять. Лезут, конечно! Где мёд – туда стремятся и мухи…

Отвергая номинальное христианство, и требуя соответствия Духа и Буквы учения – Леонидов рискует вызвать на себя подозрение в антицерковности. Если брать его роман в отдельности – то он вообще имеет все шансы попасть в списки «антиклерикальной литературы», что, если знать Леонидова как человека, было бы для него тяжёлым ударом. Но это ему урок: изволь, голубчик, яснее и чётче выражать свои мысли! Умей, растекаясь по древу известно чем – стечься обратно…

Есть «Церковь» и «церковь», церквей с маленькой буквы в мире сотни, если не тысячи, и понятно, что не в каждой Благодать. Мало ли кто присвоил себе право называть себя «церковь» – разве всякая от Бога?!

Разве можно верить на слово всякому?! Это хотел сказать Леонидов, а сказал так, что чуть ли не язычником выглядит.

Да, так уж сложилось в человеческой цивилизации за последние шесть тысяч лет – язычество. Всё равно какое – карфагенское, индуистское, греческое… И три разновидности языческого гуманизма эпохи Модерна: либерализм, нацизм, коммунизм. Беда всех этих идеологий в том, что в сути своей они материалистичны. Если в них и есть метафизический уровень (в хорошем смысле понятия «метафизика») – то он закрытый, оккультный и требует жертвоприношений.

На мой взгляд, попытка увидеть Вифлеемскую звезду коммунизма – несостоятельна. Это будет ложная Звезда, и никакого такого «обожения» коммунизма в её, Звезды этой, лучах произойти не может. Или это будет не «коммунизм».

Тем не менее, Алик, уже давно осознавший себя демоном, решает найти для человечества выход. Если был падший ангел – сатана, то может быть и падший – пошедший наперекор другим демонам, – падший демон? Если люди не догадываются о пути выхода из потребительской клоаки и всемирно-исторических джунглей социал-дарвинизма, то может быть он, маг и академик, принятый даже в Римском клубе, укажет новую звезду? Если ни Бог, ни коммунизм не спасли человечества по отдельности, то может быть всё дело в синтезе?! – *«Всё человеческое в человеке состоит из мечты о себе ином! – доказывал Алик… – Уберите эту мечту измениться – и вы потеряете всё, даже отдалённо человекообразное…».*

Непонятно, чем это, последнее, противоречит Евангелию… Но если говорить о единственно возможной поистине технологической альтернативе «человеческому в человеке», то Звезда, которую Алик Совенко предчувствует как Вифлеемскую, зовёт героя туда же, куда просветительско-чекистская кровь и гений места жизни в доме масонского мага:

«Человек… понял, что если нет бессмертия – то нет и жизни. Смерть делает жизнь равной нолю.

Зачем рождается человек? Чтобы пожрать и умереть? Но тогда проще не рождаться: сэкономишь на питании, результат-то всё равно тот же!

Тогда человек потянулся к Богу.

В идее Бога заложено бессмертие – но какое? Бог обладает изначальным совершенством. Добавить к нему человек ничего не может. Тогда зачем человек, какой в нём смысл? Единственный смысл в бессмертии возникнет лишь тогда, когда оно будет рукотворным, полученным не даром, а собственными усилиями.

Когда человек достигнет такого уровня, что сумеет зажигать новые звёзды и конструировать новые галактики, – он обретёт и бессмертие. А это коммунизм, понимаете? Стать значимой силой даже не в геологических, а в космических масштабах… Иначе нет смысла рождаться и нет никакой разницы – что делать, и когда умереть… Такова окончательная истина, найденная мною в самом конце бесконечности… Или мы зажигаем звёзды – или нам лучше сразу лечь в геологические отложения, чтобы не мучиться попусту…

«В землю обетованную не вступил никто из рождённых в Египте, – пояснил сам себе Алик. – Даже для Моисея не было сделано исключения. Он довёл и умер, издалека взглянув с холма… Это – его единственная привилегия».

«Ты считаешь себя Моисеем?» – спросила его скромность коммуниста со стороны партбилета.

«В каком-то смысле, да. Я желаю сотворить людей, которые не могут возникнуть по законам естества и биологической природы. Сам же я сотворён и действую по естеству и внутри биологии. Как там только и можно. И если я посмотрю издалека с холма на новую землю и новое небо – с меня будет довольно…».

Вот так, друзья. Выхожу один я на дорогу…

В 2017-2020 годах увидели свет серьёзная книга Юваля Ноя Харари «Homo Deus» и три последние романа Виктора Пелевина, которые раскрывают эти вопросы для неглупого читателя с прямо противоположной стороны.

Поскольку они говорят об одном и том же – то возникает тематическое сходство с романом Леонидова. Это целый ряд далеко идущих «открытий» единственно возможного будущего – в цифре, волне и голограмме. Будущее, Звезда которого, судя по всему, взойдёт уже не в небе над Вифлеемом, а возгорится внутри глобального квантового движка… В исчисленном антимире Big Data…

Описывает ли Леонидов всё это? Да, потому что всё это видит. И потому что это есть очевидное составляющее длинной перспективы нашей реальности, которая уже в 80-х годах просматривалась, а ныне попросту смердит.

Человечество обретает смысл жизни в программах космического творчества, но не так, как заложено в его многовековой традиции, а ложно: каждый из потребителей и кредитоплательщиков на земном шаре, получается, действует в общем направлении.

Александру Леонидову постоянно напоминают «Легенду о Великом Инквизиторе» на том основании, что его персонаж, с помощью науки и организаторских талантов администратора – действительно, в прямом смысле слова творит хлеба из камня, как предлагал дьявол. Это же очень важная часть сюжета – как хитрец Алик делает ценные меха из городских канализационных стоков, мёртвые пески превращает в цветущие сады, и т.п.

И в определённом смысле – да, Леонидов напрямую оппонирует Достоевскому, притом, что это величайший авторитет в писательском мире для Леонидова. Это вопрос о праве почтительного ученика возражать великому учителю…

– А что же делать? – интересуется Леонидов по итогам «Легенды о великом Инквизиторе». – Радоваться, что люди голодные, холодные, разутые, раздетые, лишь бы камни в хлеба не превращались?

Чтобы дьявол не соблазнял нас превращением камней в хлеба – мы сами должны их превратить в хлеба. Без дьявола. Силой Разума.

Леонидов и Пелевин родственны тем, что они, в основе творчества, религиозны. Но Пелевин – строит себя на буддизме, на успокоенной цикличной замкнутости Нирваны. Об этом Пелевин пишет открыто и многократно. Леонидов же строит себя на Православии, которое, как он считает, будучи очищено от вырожденных форм и искажений, сливается по всем смыслам с социализмом. Это линейно-восходящее развитие, не замкнутое ни в какой цикл, выводящее не к началу, а либо к подъёму, либо к катастрофе, и очень требовательное к отдельно взятому человеку. И это, конечно, не Пелевин, у которого, блестяще и совершенно, ярко и красочно – пустота отражается в пустоте по канонам буддизма. А всякое бытие лишь иллюзия, сон, приснившийся небытию.

В рамках, например, либертарного социализма, за который ратует известный современный мыслитель Ноам Хомский, – каждый даёт прибыль корпорации и банку. А корпорации и банки строят новую землю и новое небо посредством многочисленных точно рассчитанных (и экономически обоснованных) программ развития. Задумайтесь, и вы поймёте: коронакризис во всём этом – всего лишь предисловие.

Леонидов это чувствует – и трепещет. «И бесы веруют, и трепещут» – надеюсь, это не о нём.

Максим ЕРШОВ